

Renata Makarewicz

"Ветка вишни... Статьи по лингвистике", Александр Киклевич, Olsztyn 2013 : [recenzja]

Prace Językoznawcze 18/1, 143-158

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

RECENZJE, OMÓWIENIA, SPRAWOZDANIA, KOMUNIKATY

Александр Киклевич: *Ветка вишни... Статьи по лингвистике*. Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Olsztyn 2013, ss. 413.

Книга профессора Варминьско-Мазурского университета Александра Киклевича «Ветка вишни... Статьи по лингвистике» является собранием его избранных научных статей. В то же время в «Ветке вишни...» представлена лишь малая толика трудов этого весьма плодотворно работающего лингвиста, автора 24 монографий и учебников, редактора двух научных журналов, соредактора ещё 13 изданий, автора 450 статей, рецензий и учебных программ.

Стремясь в нашей рецензии обозначить вехи научного пути, пройденные лингвистом А. Киклевичем, мы *volens nolens* обречены на фрагментарность, будучи ограничены в данном случае жанром рецензии конкретной книги. Эта книга – представительная ветвь того большого лингвистического древа, которое создано А. Киклевичем и которое ещё только предстоит осмыслить во всей полноте и в детализированной дифференциации, а также – того ещё большего дерева, на которое он замахнулся и крона которого пока формируется, пребывая *in statu nascendi*.

Тематика статей в «Ветке вишни...» достаточно разнообразна. Это разнообразие со всей наглядностью и очевидностью демонстрирует научную эрудированность автора, знание им как российского языкознания, так и польского и мирового лингвистического процесса. При этом каждая из статей является репрезентантом целых циклов трудов.

А. Киклевич хорошо знаком российским славистам в качестве главного редактора международного журнала «Полонистика», выходявшего в Минске с 1998 г. и вплоть до 2014 г. (проект, к сожалению, завершился), а также международного журнала „Przegląd Wschodnioeuropejski” ‘Восточноевропейский обзор’ общегуманитарной направленности с преобладанием лингвистического компонента, выходящего в Польше уже на протяжении целого ряда лет.

Первый цикл представленных в рецензируемой книге статей относится к проблематике «Парадигмы в языкознании», и это одна из любимейших автором тем, которой он посвятил много сил и публикаций. В «Ветке вишни...» этой тематике посвящена в том числе статья «Парадигмы в языкоз-

нании и современная лингвистика». В ней А. Киклевич развитие культуры непосредственно связывает с развитием знаковых систем. А понятие парадигмы предстает как воплощение холистического подхода к философии языка и истории текста. В связи с обращением А. Киклевича к понятию парадигмы в языкознании нельзя не упомянуть о сборнике под его редакцией со знаковым названием «Парадигмы философии языка, литературы и теории текста (методологическое пограничье)» (Kiklewicz 2004). Этот сборник, им инициированный и выпестованный, стал одним из самых значимых собраний трудов по теории парадигм на стыке XX и XXI веков и знаменательным событием научной жизни в период, когда надо было осмыслить путь, пройденный языкознанием в XX веке. К участию в разработке проблем парадигмы в языкознании А. Киклевичу удалось привлечь мощный авторский коллектив, представляющий ареалы *Slavia Orientalis* и *Slavia Okcidentalis*. В «Ветке вишни...» идеи, заложенные в упомянутом выше сборнике, связанные с метанаучной деятельностью, с применением почерпнутых из других наук моделей описания, интерпретацией одной предметной области в терминах другой предметной области (что, по мнению А. Киклевича, позволяет эксплицировать принципиально новые ценности) получили свое дальнейшее осмысление, развитие и детализацию. Проблематика теории парадигм в языкознании (их содержательной стороны, делимитации и классификации) со всей очевидностью представляет собой важный фактор, активизирующий авторефлексивную деятельность научных сообществ: «Факты языковой практики в свете теории парадигм обнаруживают общие свойства с формами человеческой активности в других сферах, в результате чего становится возможным расширение области их концептуализации, выбор наиболее адекватных описательных моделей» (с. 15). Идеи этого сборника получают полное воплощение в «Ветке вишни...»: «Наука, сохраняя специализацию отдельных дисциплин, стремится к интеграции, к взаимодействию разных форм знания. Последняя из выделенных парадигм, у н и в е р с а л и с т с к а я, другими словами – интегрирующая, как можно надеяться, будет доминирующим направлением в науке о языке в будущем. Все предшествующие парадигмы состояли в том, что отдельному аспекту языка приписывался доминирующий статус. Отличность новой парадигмы заключалась бы в том, что она объединит все аспекты в рамках общей концепции» (с. 32–33). В то же время «идея универсализма или родственная ей идея интеграции в науке в этом контексте кажутся привлекательными, но следует помнить, что научно обоснованный универсализм требует совершенных инструментов исследования, а кроме того – зрелого научного сообщества, способного ставить и решать междисциплинарные задачи» (с. 33).

В качестве ключевых понятий, сопряженных с понятием парадигмы как определенного способа познания предметной области, А. Киклевичем называются понятия *стадии, категории, теории, доктрины* и др. под. Эти ключевые понятия теории парадигм суть общенаучные термины, применимые для любой области знаний. А. Киклевич информирует о том, что многоаспектное исследование парадигм философии языка представляет собой методологический синтез и подчеркивает, что философские проблемы языкознания и литературоведения рассматриваются в общегуманитарном контексте. Продолжая эту мысль в статье «Мысль и образ. О визуализации в лингвистике», А. Киклевич подчеркивает, что парадигма есть «не только характерный для определенной эпохи стиль анализа материала, а также способы представления результатов его анализа и концептуализации» (с. 54).

В статье «Парадигмы языкознания в культурно-динамическом аспекте (на примере структурализма в славянском языкознании XX века)» (с. 34–50) А. Киклевич указывает на «встроенность» парадигм в культурный контекст: «Лингвистические парадигмы непосредственно ангажированы в культурный контекст функционирования научных сообществ» (с. 37). Обобщая анализ парадигм в славянском языкознании, А. Киклевич заключает: «Несмотря на родство славянских народов, славянских языков и культур, [...] каждая научная (и в целом – культурная) традиция неповторима. Она складывается из множества ценностных категорий и форм их манифестации (так называемых прецедентных текстов, ритуалов, персоналий и т.д.), которые формируются в сложных и исторически изменчивых обстоятельствах. Их изучение представляет важную задачу для социологии языкознания и сопоставительной металингвистики» (с. 50).

Обобщающе-аналитические способности А. Киклевича в «Ветке вишни...» проявились с присущим ему размахом. Тематика его «Избранного» достаточно типична для А. Киклевича, которому свойственно задумываться над фундаментальными проблемами языкознания, среди которых и функции языка. В статье «Двенадцать функций языка» языковые функции рассматриваются в первую очередь как социально ориентированные, как проявляющие себя непосредственно в среде бытования человека – материально-физической, психологической и др. реальности, в кругу взаимодействия людей на фоне языковой ситуации, как включенные в дискурс коммуникативной ситуации на общей когнитивной базе. Область известного начинает в книге играть новыми гранями, а доселе неизвестное звучит как откровение. Среди выделяемых функций номинативная функция рассматривается в первую очередь как передающая «языковыми знаками информации о мире» (с. 62) и охватывающая физические, физиологические, ментальные, эмоциональные,

языковые состояния, магическая функция анализируется как основанная «на вере человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет» (с. 64). Индексальная функция ориентирована на «идентификацию личности отправителя сообщения или же чаще его принадлежность к определенной социальной группе [...], определенному сообществу, определенной культурной парадигме» (с. 65); экспрессивная функция, позволяющая говорящему «выразить себя», т.е. свои эмоции, суждения, мысли [...], реализуется посредством категории модальности» (с. 65); «прагматическая [...] функция проявляется в стремлении речевого субъекта влиять на социальные отношения, в частности, на поведение коммуникативных партнеров с помощью речевых сообщений (с. 68); этологическая функция проявляется в том, что «благодаря речевой деятельности говорящий организует дискурс, оптимизирует собственное поведение» [...]. «На уровне гипердискурса, т.е. таких категорий, как «общество», «государство», «партия», «фирма» и т.п., язык играет роль фундаментального организатора деятельности общественных институтов – как в сфере внешней коммуникации, охватываемой понятием маркетинга [...], так и внутренней коммуникации, т.е. внутри группы» (с. 71–72).

Сущность стилистической информации А. Киклевич усматривает в изменчивом характере речевой коммуникации, ее зависимости от внешних условий взаимодействия партнеров, в том, что «в зависимости от типа дискурса и его участников языковая система реализуется в том или ином ее варианте» (с. 69–70). Когнитивная функция языка (она же познавательная, аккумулятивная, гностическая) опирается на то, что «в форме и структуре языковых единиц и языковых категорий хранится информация о мире, тем самым благодаря знанию языка его носители получают доступ к выработанной данной культурной традицией картине мира как системе концептов и стереотипов, относящихся к окружающим предметам (в том числе и лицам), действиям, состояниям, событиям, свойствам и процессам» (с. 72). Креативная функция языка связывается с языковым детерминизмом, с воздействием структуры языка, «в первую очередь его лексических категорий, [...] на познание и поведение языковых субъектов» (с. 73). Конститутивная функция «реализуется по отношению к языковым ситуациям и означает статус языка в социальной структуре общества, в частности – его административный статус» (с. 74). А. Киклевич выделяет интерлингвистическую функцию, суть которой заключена «в воздействии одной языковой системы на другую (на другие)» (с. 75). При этом «результатом языковых контактов (в рамках определенного культурно-географического ареала) обычно

является интерференция языковых систем – проникновение элементов одного языка в систему другого и наборот» (с. 76). Емкие, наглядные иллюстрации языковых функций из художественных произведений надежно подкрепляют положения А. Киклевича.

Особый раздел книги «Фреквенция как фактор изменения языковых единиц в теории В. Маньчака» посвящен одному из самых уважаемых А. Киклевичем польских лингвистов, профессору Ягеллонского университета Витольду Маньчаку, юбилею которого и его многочисленным трудам А. Киклевич посвятил в свое время очередной номер журнала «Полонистика». В центре внимания А. Киклевича находится так называемый «принцип Маньчака», согласно которому «нерегулярные языковые изменения и реализации языковых единиц обусловлены их активным употреблением в речевой деятельности» (с. 99). Принцип Маньчака силен прежде всего тем, что его статистический анализ в целом основан на реальном текстовом употреблении языковых единиц. В стилистических аспектах принцип Маньчака получает интерпретацию как статистическая универсалия с функциональной динамикой. Статья является шагом вперед в презентации концепций Витольда Маньчака и содержит многочисленные уточнения по сравнению с предыдущими оценками.

В «Ветке вишни...» А. Киклевич обращается среди других тем к когнитивной поэтике, к интерпретации художественного текста, к тем предметам, явлениям, которые «свои» для представителей данной культуры, культурной общности, к символическому наполнению текста, концепту, к когнитивной лингвистике, к поэтике. Эти фрагменты книги (многие другие, впрочем, также) чрезвычайно поэтичны и наглядно иллюстрированы.

Функциональную семантику А. Киклевич называет открытой семантикой, так как «предполагающей интерпретацию языковых знаков с учетом среды их употребления: интеллектуальной, эмоциональной, социальной и т.д. Это означает, что лингвистическое описание знаков дополняется описанием нелингвистических объектов, а именно – носителей языка, принятой в данном языковом сообществе системы культурных норм, типов и способов концептуализации мира, ситуаций общения и др.» (с. 121). А. Киклевич особо акцентирует усилия современных ученых, в частности, Е. Бартминьского, приблизить форму семантических толкований к реальным ментальным категориям, «различать системное и когнитивное значение слова: первое основано на дифференциальных семантических признаках, закодированных в системе языка, второе – на естественных ментальных категориях обыденного сознания» (с. 132).

А. Киклевич пытается разобраться в различиях между когнитивной и культурной лингвистикой и одновременно провести водораздел между этими лингвистическими направлениями и структурализмом: «Когнитивная лингвистика в качестве объекта описания рассматривает индивидуальную языковую компетенцию как реализующуюся в психических процессах способность рефлексивно реагировать на внешние, а также на внутренние раздражители» (с. 133–134), в то время как «структуралисты рассматривали язык как продукт коллективного сознания» (с. 134). Культурная же лингвистика (видимо, это то же самое, что получило у российских ученых название лингвокультурологии) «считает возможным на базе формы, структуры и семантики языковых знаков реконструировать культурный код, лежащий в основе поведения представителей данного общества» (с. 136). А. Киклевич, обращаясь к проблеме формирования концепта, не считает этимологическую информацию релевантной. Хотелось бы поддержать его точку зрения, что этимологическая информация не присутствует в языковом сознании (с. 138): «Эта информация доступна лишь специалисту, для большинства же носителей языка этимологическая и вообще – историческая информация, преимущественно, не существенна» (с. 138). Отсюда следовал бы вывод, что этимологическая информация не относится к формированию концепта и с этим процессом не связана.

Обращаясь к проблеме функционального единства концепта, А. Киклевич полагает, что концепт такового лишен. Концепт предстает в его интерпретации как результат «аддитивного обобщения, компиляции, простого сложения информации из разных областей знания и из разных источников. Так понимаемый концепт не только не имеет ничего общего с языковой, но и с культурной компетенцией отдельных языковых личностей» (с. 141–142). Мы бы поостереглись говорить о сложении информации из разных областей знаний как базе формирования концепта, настаивая на его лингвистической сущности, лингвистической природе и базировании и цельном единстве – в согласии с тем, как концепт понимается в трудах таких современных российских ученых, как С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др. В то же время активно поддерживаем идею о том, что концепты разных языков не составляют один концепт, но что это разные концепты (А. Киклевич показывает это на примере существительного *мудрец* русского языка и *wise man* английского языка) (с. 142). Концепт является этнолингвистически релевантным понятием, а значит, он может быть принадлежностью одного этнического языка (но не двух сразу). Об этом свидетельствуют данные исследований концептов и просто здравый смысл. Остановившись на проблеме прагматической релевантности концептов, ссылаясь на Ю.С. Степанова,

выделяющего активный и пассивный слои концепта, А. Киклевич делает вывод, что «концепты неоднородны не только по своему содержанию, но и по своему функционированию. Социальная дифференциация культурного сообщества в работах лингвокультурологического направления часто остается «за кадром». В действительности же одни и те же явления и объекты концептуализируются по-разному – достаточно сослаться на программы разных политических партий или общественных движений» (с. 142). Комментируя это высказывание, отметим, что, во-первых, концепты и не могут быть однородны и сведены к какому-то семантическому знаменателю. Эти ключевые для данной культуры понятия могут быть ключевыми в самых разных планах. А политические партии и общественные движения не вписываются в этот круг напрямую, будучи идеологемами (об идеологемах см.: Пионтек 2010а: 85–95; Пионтек 2010а: 159–164). Подчеркнем, что представления Ю.С. Степанова о сущности концепта хотя и важны (Степанов 2007; Степанов 2010), не могут быть единственно критериальны. Да, концепты формируются из разных языковых единиц, лексических и коммуникативных. Однако не следует преувеличивать и абсолютизировать их изменчивость и «разбивать» их целостность. Изменения в языке и в языковом сознании протекают достаточно медленно, определенная консервативность языка, как известно, и обеспечивает передачу знаний, традиций и стереотипов от поколения к поколению. Конечно, «экспликация, т.е. собрание воедино всех возможных представлений и сведений о данном объекте или явлении – это научная абстракция. Подобную ситуацию можно представить себе лишь в виртуальном пространстве Интернета, где одна информация – с помощью системы так называемых гиперссылок – вызывает ассоциацию с другой, та – с третьей, четвертой и т.д. Этот процесс принципиально бесконечен, потому что за время, которое человек потратит на обработку всех возможных тематических узлов, появятся новые носители информации и новые тематические узлы» (с. 145). Всё вроде бы правильно в данном высказывании А. Киклевича, однако, к счастью, концепты и их составляющие достаточно устойчивы, стабильны, чему способствуют сформировавшиеся в языке поэмы и символы.

Такой тип языковых стереотипов, как идеологемы, более подвержен языковым изменениям, чем собственно концепты, которые являются именно образованиями, фиксирующими многовековые наслоения в лингвокультуре языкового сообщества.

А. Киклевич полагает, что концепты «предстают скорее как научные теоретические конструкты, которые реально не «переживают» в культурно маркированных действиях, а уж тем более не составляют реальности

психической деятельности индивидов» (с. 152); он упрекает теорию концепта в отсутствии функционального единства и в том, что концептология ограничивается языковыми источниками (с. 152–153). В связи с вышесказанным подчеркнем, что концепт в лингвистике – это лингвистическое понятие, соответственно, оно изучается на основе языковых свидетельств (вполне конкретных), среди таких свидетельств – и художественные тексты. Достаточно репрезентативный количественный состав этих текстов позволяет выделить инвариантные сущности, отойти от индивидуального в художественном тексте в пользу лингво-когнитивно-этнически значимого, обеспечивая таким образом адекватную концептуализацию какого-либо объекта.

В статье «Концептуальные метафоры и прототипические эффекты» А. Киклевич обращает внимание на то, что метафора являет собой способ концептуализации и категоризации опытных данных, полученных ранее опытным путем, «п р о е ц и р о в а н и е знаний о сущностях одного рода на понимание (интерпретацию) сущностей другого рода» (с. 156). Автор особо останавливается на познавательной функции метафор, анализируя целый ряд метафорических моделей и подчеркивая, что «между одним понятием и другим имеется сходство в о п р е д е л е н н о м а с п е к т е – величины, интенсивности, степени проявления. В процессе метафорического познания мира не происходит отождествления одного понятия с другим, проецирования существующей в памяти информации на пустое «полотно» – тот участок познавательной системы, который должно занимать новое понятие» (с. 166). При этом в разных познавательных и прагматических условиях формируются разные аспекты концептуализации понятия. Подчеркивается, что в реализации разных метафор, относящихся к одному и тому же объекту, реализуются разные метафорические модели, которые не выводимы одна и другой и не прогнозируемы, что видится нам чрезвычайно важным для теории метафоры. В то же время метафорам ничто языковое не чуждо, так, они могут характеризоваться полисемией (регулярной полисемией). В качестве примера приводится ряд прилагательных с лексемой *большой*, опирающийся на представление о том, что большими могут быть материальные предметы и это их имманентное свойство. Метафорические модели формируются в сознании отдельно друг от друга, из «потребности концептуализации разных параметров понятия» (с. 168) и в разных познавательных и прагматических условиях. А. Киклевич подчеркивает, что «объектом метафорической категоризации/номинации является здесь не лексическое понятие, а только один из его аспектов...» (с. 172), причем абстрактные категории идентифицируются благодаря проекции на них свойств конкретных понятий.

Много внимания уделяется ученым изучению ценностных категорий в языкознании. Приведем ряд его высказываний по этому поводу, которые представляются нам релевантными в лингвокогнитивном плане: «Ценности имеют конвенциональный или по крайней мере надситуативный, обобщенный характер, что сближает их с категорией с т е р е о т и п о в. Подобно стереотипам, ценности закреплены [...] в индивидуальной или культурной памяти, в частности, в виде суждений и убеждений...» (с. 261); «В ценности отражаются опытные данные, которые прошли многократную проверку и относительно которых у субъекта или же у большинства представителей данного сообщества выработан устойчивый способ оценочной интерпретации, т.е. с точки зрения таких понятий, как «хорошо», «плохо» (с. 261). А. Киклевич подчеркивает, что ценности вырабатываются в определенной социокультурной среде: «Ценности нужны потому, что человека постоянно окружают новые предметы и явления, новые ситуации. Ценность представляет собой ориентир, который помогает человеку пройти участок пути, по которому он еще никогда не проходил» (с. 279).

Интересные ракурсы связаны в книге с этнолингвистическими наблюдениями, в этом плане обсуждаются такие вопросы, как ценности коллективизма и индивидуализма, польская идентичность и традиция, стереотипы в культуре и межкультурной коммуникации.

А. Киклевич многократно выходит за рамки языкознания во внешнюю лингвистику или даже за пределы лингвистической знаний, но лингвистическая доминанта, всегда присутствующая в фоне, не дает ему отойти от базовой проблематики языка и языкознания.

Немало внимания уделяется А. Киклевичем языковым стереотипам, их роли в облегчении ориентации человека в мире, в упорядочении картины мира, в речевой коммуникации, где они в конкретных ситуациях «выполняют главным образом социализирующую и коррелятивную функцию, то есть представляют собой фон, на котором генерируется и интерпретируется прагматическая информация» (с. 293). Обсуждаются проблемы, связанные с идентификацией стереотипов. Содержание стереотипов обычно не эксплицируется и не обсуждается, они редко становятся предметом информационного обмена. Поэтому их идентификация осуществляется в процессе интеракции на основе опосредующих факторов, «обусловленных стереотипом (выводимых из стереотипа) коммуникативных практик» (с. 294). Характерно, что «размытый, неявный характер большинства стереотипов нередко становится причиной их р е и н т е р п р е т а ц и и, когда установки отправителя информации переосмысливаются коммуникативным партнером с учетом его собственных схем презентации» (с. 295). Указывается, что учет стереотипов

в межкультурной коммуникации позволяет определить стратегию поведения таким образом, чтобы она в максимальной степени соответствовала задачам говорящего, задачам адресата или задачам третьего лица» (с. 294).

В статьях, посвященных средствам массовой информации, А. Киклевич обращается к польскому еженедельнику «Ангора», который нередко приводится польскими исследователями СМИ в качестве образца предвзятости. Изучая языковую субстанцию этой тенденциозности, А. Киклевич выделяет характерные параметры пропагандистских текстов, такие, как идеологические эвфемизмы, ритуализмы и др. Так, приметой идеологических эвфемизмов является стремление автора «затушевать отрицательные стороны описываемых событий» (с. 309). Ритуализм понимается как «стандартные – в рамках данного языкового сообщества – языковые формулы, [...] идеологически маркированные стереотипы, устойчиво ассоциируются с официальным и даже казенным стилем коммуникации. Обычно содержание таких реплик банально, однако они выполняют важную функцию, поскольку апеллируют к сложившемуся в обществе идеологическому стандарту и таким образом склоняют адресата к принятию предлагаемой журналистом интерпретации событий» (с. 310). Под нерелевантностью имеется в виду «нарушение тематического единства дискурса, отступление от доминирующей в данном отрезке коммуникативного взаимодействия темы» (с. 310). Идеологически маркированные оценки «способствуют созданию идеологически окрашенных стереотипов» (с. 311). «Свои» обычно оцениваются положительно, противник (противоположная сторона) – отрицательно, используются идеологические метафоры, например, *второй Ярузельский*. В качестве важной черты пропагандистских текстов отмечается коллективный характер участия в событии.

Труды А. Киклевича по синтаксису всегда находятся на острие современных знаний о синтаксических структурах языка. Это демонстрируют и представленные в книге статьи по синтаксису предложения. Так, в статье «Сложное предложение в свете динамического синтаксиса» предметом анализа является аспект реализации синтаксических моделей, схем, образцов, хранимых языковой памятью инвариантов. Автор в русле направления *динамическая лингвистика* изучает воплощение языковых моделей в речевые структуры на базе представлений о иерархической сложности текстовых синтаксических связей и их соотношения с действительностью. Он останавливается на проблематике изосемичности (в терминологии Г.А. Золотовой) синтаксических моделей. Это понятие помогает зафиксировать «соответствие/несоответствие категориального значения подкласса слов категориальному значению отображаемых внеязыковых явлений» (Цитата из

Г.А. Золотовой: с. 318). А. Киклевич отмечает, что «свойство изосемичности/неизосемичности применяется Г.А. Золотовой к элементам синтаксических единиц, или синтаксемам, но оно оказывается полезным и при описании синтаксических структур. Так, дискретные синтаксические конструкции, которые наиболее адекватно – по принципу аналогии – отражают структурную организацию описываемых положений дел, следует признать изосемичными – в отличие от синтаксических конструкций, в которых референтная ситуация представляется в компрессированном или деформированном виде...» (с. 318). Обратим внимание на то, что свойство изосемичности исчезает тогда, когда мы имеем дело с конденсацией, компрессией, эллипсисом, когда часть смысла «вынесена за пределы предложения, а значит, его интерпретация требует от слушающего включения дополнительных механизмов переработки информации, в частности – так называемой инференции (иными словами, речь идет о апперцептивной базе, т.е. фонде ситуативных, окказиональных или общих, культурных знаний речевых субъектов)» (с. 319). При рассмотрении вопроса в несколько ином ракурсе А. Киклевич указывает на родство понятия изосемичности понятию иконичности знака: «Иконичность состоит в том, что структура знака (в большей или меньшей степени) повторяет структуру его денотата» (с. 319) и устанавливает корреляции и аналогии с понятием поверхностной и глубинной структур предложения. Изосемичная / иконичная структура коррелирует с представлением о глубинной и поверхностной структурах предложения. Нарушения изосемичности / иконичности непосредственно связаны с разного типа нарушениями синтаксической иерархии, в том числе на линии синтаксической конверсии, синтаксического переразложения, синтаксического опрощения. А. Киклевич подчеркивает, что «семантический и формально-грамматический планы не всегда взаимно соотнесены. Это касается, например, подтипа предложений с ориентированной анафорической связью, а именно – таких, в которых относительное слово (местоимение) семантически связано с предикативным центром главного предложения (или же с главным предложением в целом)» (с. 323). Всем нам хорошо знакомы такие предложения, мы их постоянно произносим. Таким образом, в развитие идеи об изосемичной конструкции А. Киклевич распространяет ее на более сложные синтаксические структуры. При этом компрессия в синтаксисе рассматривается как результат контаминации предложений, а синтаксическая конверсия – как продукт воздействия коммуникативного фактора. Возникновение предложения-контамината объясняется им как скрещивание двух альтернативных форм выражения одного и того же смысла. Компрессия сопровождается синтаксической интеграцией, при этом образовавшаяся синтаксическая структура предложения-контамината

имеет полипредикативный характер. А. Киклевич исследует структурные нарушения стандартных схем построения высказывания – такие нарушения мы наблюдаем в языке повсеместно – и показывает, что смещения в позиции главного и зависимого компонента в структуре сложного предложения обусловлены приоритетом коммуникативных целей высказывания над семантическими и формально-грамматическими.

В статье «Связочные предложения и дубликация подлежащего» рассматриваются такие связочные предложения, в которых позицию подлежащего или позицию в составе сказуемого занимает указательное местоимение *это*. Чрезвычайно важным вопросом грамматической семантики и синтаксиса является определение статуса такого употребления местоимения *это* в синтаксической структуре предложения. С этой целью А. Киклевич анализирует анафорическое, катафорическое и дейктическое употребления, приходя к выводу, что «в их структуре реализуется дубликация подлежащего, которая служит эмфатическому выделению информации о предмете сообщения» (с. 368). Указательное местоимение выполняет при этом функцию подлежащего, передавая информацию о предмете сообщения. Вывод об именно такой функции местоимения *это* выковывается у А. Киклевича в заочной полемике с известными российскими и польскими специалистами по синтаксису на платформе взаимодействия в организации предложения логического, семантического, коммуникативного, формально-грамматического, стилистического и других факторов.

Книга «Ветка вишни. . .» несет большой информативный заряд. А. Киклевич всегда настроен на улавливание из лингвистического информационного пространства нового, новых нехоженных путей. Смелость оценок не означает их категоричности. В книге много юмора, уместно иллюстрирующего ее положения, много лингвистической и общечеловеческой, общегуманной и общегуманитарной рефлексии и саморефлексии. Книгу хочется цитировать, обсуждать, а где-то с чем-то и поспорить. Ведь за каждой статьей стоит серьезный пласт научной рефлексии ее автора над проблемами бытия языка в обществе и культуре. Она не оставляет читателя равнодушным, будоражит, порождает новые профессиональные импульсы, и в этом ее большая ценность для нашего профессионального сообщества.

Валентина Г. Кульпина, Виктор А. Татаринов, Москва, Россия

Literatura

- Kiklewicz A. (2006): *Язык, коммуникация, wiedza*. Мінск.
- Paradygmaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu (pogranicza metodologiczne)*. (2004). Red. A. Kiklewicz. Słupsk.
- Воркачев С.Г. (2002): *Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа*. Краснодар.
- Воркачев С.Г. (2004): *Счастье как лингвокультурный концепт*. Москва.
- Воркачев С.Г. (2007): *Любовь как лингвокультурный концепт*. Москва.
- Карасик В.И. (2004): *Лингвокультурные концепты: подходы к изучению*. [W:] *Социолингвистика вчера и сегодня: Сб. обзоров*. Отв. ред. Н.Н. Трошина. Москва, с. 132–162.
- Карасик В.И. (2009): *Языковые ключи*. Москва.
- Карасик В.И. (2010): *Языковая кристаллизация смысла*. Москва.
- Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*. Т. 2. Научн. ред. А. Киклевич, А. Камалова. Olsztyn.
- Пионтек Б. (2010a): *Идеологема как ключевая лексическая единица общественно-политического дискурса и как концепт общественного сознания современной языковой личности в России и в Польше*. [W:] *Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация*. № 1, с. 85–95.
- Пионтек Б. (2010b): *Территориальная и хронологическая дифференцированность идеологем как факт языка, культуры и общественной жизни*. [W:] *Россия и Запад: диалог культур: Сб. ст. XIII международной конференции 26–28 ноября 2009 года*. Отв. ред. А.В. Павловская. Москва. Вып. 15. Ч. III, с. 159–164.
- Попова З.Д., Стернин И.А. (2007): *Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку*. [W:] *Антология концептов*. Red. В.И. Карасик, И.А. Стернин. Москва, с. 7–9.
- Степанов Ю.С. (2007): *Концепт. Тонкая пленка цивилизации*. Москва.
- Степанов Ю.С. (2010): *Константы: Словарь русской культуры*. Москва.

Katedra Filologii Polskiej na uniwersytecie we Lwowie. Seminaria lwowskie.
Część pierwsza

Katedra Filologii Polskiej jako odrębna jednostka w strukturze organizacyjnej Państwowego Lwowskiego Uniwersytetu im. Iwana Fanki istnieje od roku 2004, ale studia polonistyczne we Lwowie mają długą i bogatą historię. Powstanie polonistyki lwowskiej należy datować na rok 1817, kiedy to decyzją cesarza Austrii Franciszka I powołano do życia Katedrę Historii Języka i Literatury Polskiej. Faktycznie działalność naukową i dydaktyczną podjęto tam wraz z mianowaniem na stanowisko profesora tej jednostki Mikołaja Michalewicz, byłego bibliotekarza Józefa Maksymiliana Ossolińskiego. Wśród wielu wybitnych profesorów pracujących we Lwowie wymienię tylko kilkoro, w tym Juliusza Kleinera, Stanisława Łempickiego, Stefanię Skwarczyńska, Bogdana Suchodolskiego. Studentami i wykładowcami na tej uczelni byli m.in. Aleksander Brückner i Stanisław Jodłowski.

Ostatnim kierownikiem Katedry Literatury Polskiej był profesor Eugeniusz Kucharski, który wyjechał do Polski w 1946 r. Po II wojnie światowej polonistyka funkcjonowała jako filologia obca w Katedrze Filologii Słowiańskiej¹.

Jak już wspomniałam, powrót do samodzielności nastąpił w 2014 r. jako skutek zwiększonej aktywności naukowej i dydaktycznej młodej kadry naukowców specjalizujących się w badaniach nad frazeologią polską i problematyką glottodydaktyczną. Zespół badaczy tworzy obecnie grupa kilkunastu osób zatrudnionych w Katedrze Filologii Polskiej, której kierownikiem jest prof. Ała Krawczuk.

Obecna polonistyka lwowska to prężna jednostka badawcza, w której powstają interesujące rozprawy naukowe oparte na bogatych zasobach korpusowych. Współczesne spojrzenie badaczy lwowskich na frazeologię polską ma charakter funkcjonalny (A. Krawczuk, J. Sahata, O. Łozińska, K. Nikołajczuk). We Lwowie prowadzone są także badania dotyczące sytuacji polszczyzny południowokresowej, ze zwróceniem uwagi na aspekty pragmalingwistyczne (A. Krawczuk) oraz podejmowane są studia i analizy odmiany młodzieżowej języka polskiego².

Na uniwersytecie we Lwowie język polski postrzegany jest jako jeden z wielu języków słowiańskich, które są przedmiotem studiów młodych Ukraińców. Pracownicy Katedry Filologii Polskiej uczą języka polskiego jako obcego, a swoje doświadczenia poddają refleksji teoretycznej, publikując artykuły na ten temat. Problemy nauczania języka polskiego osób, dla których językiem rodzimym jest język ukraiński, są zatem przedmiotem badań naukowych. Dla przykładu Oksana Ohoriłko analizuje zagadnienia składniowe, istotne z punktu widzenia glottodydaktyki. Ała Krawczuk opublikowała podręcznik wymowy polskiej dla młodzieży ukraińskiej (Krawczuk 2015).

Krótką prezentacją polonistyki lwowskiej nie byłaby pełna bez ujawnienia bogatych kontaktów kadry naukowej Lwowa z polskimi ośrodkami naukowymi. We Lwowie organizowane są wspólne polsko-ukraińskie konferencje naukowe i przedsięwzięcia edukacyjne, m.in. z Instytutem Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego (np. w 2011 r. na temat modernizmu polskiego i ukraińskiego), Szkołą Języka Polskiego i Kultury dla Cudzoziemców Uniwersytetu Wrocławskiego (w 2019 r. na temat problemu certyfikacji języka polskiego i ukra-

¹ <https://tnkul.pl/files/userfiles/files/RH2014z10_s172-176_Krawczuk_Kowalewski_Rep.pdf>, dostęp: 27.01.2016.

² Ała Krawczuk: «Польська фразеологія з ономастичним компонентом» – Polska frazeologia z komponentem nazewniczym; Julia Sahata: «Динамічні процеси в сучасній польській фразеології з анімалістичним компонентом» – Procesy dynamiczne we współczesnej polskiej frazeologii zawierającej człon animalistyczny; Oksana Łozińska: «Польська кінематична фразеологія на позначення емоцій: структура, семантика, функціонування» – Polska frazeologia kinematyczna określająca emocje: struktura, semantyka, funkcjonowanie; Krystyna Nikołajczuk: «Структура семантичного поля польської фразеології на позначення періодів людського життя» – Struktura pola semantycznego polskiej frazeologii określającego okresy życia człowieka.

ńskiego według standardów europejskich), Uniwersytetem Marii Curie-Skłodowskiej (w 2007 r. na temat Wincentego Pola). Pracownicy Katedry Filologii Polskiej systematycznie uczestniczą w konferencjach międzynarodowych organizowanych w Polsce, prowadzą też na uniwersytetach polskich wykłady gościnne dotyczące metodyki nauczania języka polskiego jako obcego, zagadnień językoznawczych i literaturoznawczych.

Współpraca między Katedrą Filologii Polskiej uniwersytetu we Lwowie i Instytutem Filologii Polskiej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie rozpoczęła się na przełomie 2014 i 2015 r., kiedy po raz pierwszy spotkałam się z zespołem kierowanym przez prof. Ałłę Krawczuk. Podczas spotkania przedstawiłam fragment mojej dysertacji doktorskiej oraz założenia projektu badawczego: *Opis paradygmatyczny polskich frazeologizmów czasownikowych. Słownik elektroniczny*, realizowanego w Instytucie Filologii Polskiej przez zespół pracujący pod kierunkiem dr hab. Iwony Kosek. Za moim pośrednictwem wymienione zostały listy intencyjne potwierdzające podjęcie instytucjonalnej współpracy między naukowcami polonistyk we Lwowie i w Olsztynie.

Znajdujemy liczne zbieżne obszary zainteresowań naukowych i działalności dydaktycznej. Obok szczegółowych kwestii związanych z polską frazeologią, przedmiotem wymiany doświadczeń jest metodyka nauczania języka polskiego jako obcego. W tej kwestii środowisko lwowskie ma wiele do zaoferowania. Wypracowana we Lwowie koncepcja ścisłego łączenia edukacji językowej z kulturą, która znalazła wyraz także w podręczniku do nauczania języka polskiego jako obcego na Ukrainie (Кравчук, Ковалевский 2013), może być inspirująca dla kadry olsztyńskiej.

W ramach współpracy w październiku i grudniu 2015 r. odbyły się we Lwowie seminaria naukowe. Podczas spotkania październikowego przedstawiłam podstawowe zagadnienia związane z badaniami prowadzonymi przeze mnie od wielu lat nad językiem, jakim posługują się osoby z dysleksją (Makarewicz 2006). Jak się okazało, językoznawstwo ukraińskie nie włączyło do obszaru swoich zainteresowań problemu funkcjonowania językowego osób przejawiających specyficzne trudności w posługiwaniu się pisaną odmianą języka. Pierwsze z cyklu spotkań seminaryjnych z kadrami polonistyki lwowskiej stało się inspiracją do podjęcia badań nad językiem pisanym dzieci i młodzieży. Drugie ze spotkań październikowych poświęcone było zagadnieniom kultury języka. W trakcie tego spotkania doszło do interesującej wymiany spostrzeżeń na temat grzeczności językowej, która niezaprzeczalnie jest elementem kultury języka. Przywoływane w moim referacie przykłady wywołały żywą dyskusję. Dotyczyły one sposobu bezpośredniego zwracania się do podróźnych narodowości ukraińskiej przez załogę polskiego autobusu rejsowego relacji Warszawa – Lwów. Pominiecie typowych dla polszczy-

zny starannej konstrukcji z grzecznościową formą „pan, pani” w odniesieniu do osób narodowości ukraińskiej rozpatrywane było w kontekstach narodowościowym, socjologicznym, historycznym i ostatecznie językowym. Badania współczesnego języka polskiego w kontaktach między narodami jest szczególnie interesujące z punktu widzenia lingwokulturologii. Ta problematyka budzi szerokie zainteresowanie i, jak się okazało, podejmowana była już w refleksji naukowej przez badaczy polskich (Makarewicz 2013) i ukraińskich. Do dyskusji włączyły się także doktorantki, wnosząc interesujące uwagi natury obyczajowej.

W październiku wygłosiłam też wykład dla studentów starszych roczników polonistyki na temat: *Dysleksja – przekleństwo to czy dar?* Zaprezentowałam w nim wyniki badań własnych nad funkcjonowaniem językowym dzieci z zespołem trudności dyslektycznych i konsekwencji dydaktycznych wynikających z takich uwarunkowań osobniczych.

Seminaria lwowskie są dla mnie interesującym doświadczeniem dydaktycznym i bardzo inspirującym naukowym otwarciem na nowe zagadnienia badawcze. Jestem w trakcie lektury prac naukowych, które powstały w ostatnim dziesięcioleciu w Katedrze Języka Polskiego Uniwersytetu Lwowskiego. Ciekawe metodologicznie, bogate materiałowo, o jasnej i przejrzystej kompozycji, zdyscyplinowane terminologicznie zasługują na rozpropagowanie ich wśród naukowców polonistyk krajowych³.

Powyższy krótki rys prezentujący polonistykę lwowską jest wprowadzeniem do refleksji związanej z moimi osobistymi kontaktami z tym środowiskiem naukowców i dydaktyków polonistycznych.

Renata Makarewicz, Olsztyn

Literatura

- Кравчук А. (2015): *Польська вимова з елементами правопису для українців, що вивчають польську мову*. Львів.
- Кравчук А., Ковалевский Е. (2013): *Jestem stąd. Підручник з польскої мови*. Львів.
- Makarewicz R. (2006): *Dysleksja w opinii językoznawcy. Składnia zdania w wypowiedziach pisemnych uczniów dyslektycznych*. Olsztyn.
- Makarewicz R. (2013): *Socjo-„deisis” w komunikowaniu się nauczycieli z rodzicami uczniów na przykładzie szkół Permie*. „Przegląd Wschodnioeuropejski” IV, s. 295–304.
<https://tnkul.pl/files/userfiles/files/RH2014z10_s172-176_Krawczuk_Kowalewski_Rep.pdf>, dostęp: 27.01.2016.

³ Termin wprowadzony dla odróżnienia polonistyk zagranicznych od polonistyk krajowych, konsekwentnie stosowany podczas kongresów naukowych, np. w Opolu w 2012 r. i w publikacjach pokongresowych.